

Он не успевал сравнивать, сосредоточенно изучая работу соперника: развевающиеся одежды персонажей и хлопающие крыльями сороки выглядели до того правдоподобно, что даже текстура оперения казалась тончайшими волосками, а сложные складки тканей не теряли четкости. Он вспомнил, как Дин Ханьбай вырезал узоры демонов — каждый штрих был настолько филигранным, что зрители не могли сдержать восхищенных возгласов.

Дин Ханьбай был человеком ленивым и своенравным, но в работе проявлял дотошность, поэтому Цзи Шэньюй не мог не удивиться.

— Есть что сказать? — Дин Ханьбай тоже внимательно рассматривал обе картины. — Скажу честно: твоя работа для продажи сгодится, но в моих глазах это лишь на троечку.

Цзи Шэньюй, уже успевший проникнуться уважением к мастерству соперника, не стал спорить:

— В чем же я не дотянул?

Дин Ханьбай небрежно указал пальцем:

— Мы рисуем не ради красоты, а чтобы заложить основу для резьбы, поэтому важна точность и реалистичность. Один художник говорил, что только в предельном сходстве рождается дух. Твоему сходству не хватает глубины.

Цзи Шэньюй смиренно кивнул:

— Есть еще замечания?

Дин Ханьбай бросил на него взгляд, видимо, не ожидая такой покладистости, и его тон стал мягче:

— В живописи важны две вещи: композиция, где все элементы гармонично собраны, и умеренность в цвете. Давай посмотрим на твою композицию, как думаешь, есть проблемы?

Цзи Шэньюй присмотрелся:

— Живые существа сгруппированы слишком плотно, перевес в одну сторону.

Он сел перерисовывать, и, когда работа стала безупречной, они приступили к совместному эскизу. Это означало, что им нужно было слить два рисунка в один на одном листе так, чтобы никто не заметил различий в манере исполнения.

Места было мало, правое плечо Цзи Шэньюя упиралось в левое плечо Дин Ханьбая. Когда стало совсем тесно, Дин Ханьбай поднял руку и, обогнув его, полуобнял, чтобы освободить пространство. Оба затаили дыхание; лишь изредка, при смене кисти или наборе туши, они обменивались короткими взглядами, но в остальном царило полное молчание.

К закату безмолвное сотрудничество завершилось — цельная картина была готова.

Дин Ханьбай прокомментировал:

— Можешь же, когда хочешь. Почему раньше не рисовал так детально?

Цзи Шэньюй, который прилежно учился живописи, не хотел прослыть лентяем. Он встал, сбегал в спальню и вернулся с альбомом. На обложке стояла печать Цзи Фансюя.

— Это работы моего учителя, взгляни.

Дин Ханьбай открыл альбом: горы, воды, люди — всё на своих местах, линии легкие, краски чистые и сдержанные. Но стоило присмотреться, как становилось понятно: детали прописаны лишь намеком. Настроение передано, но нет тщательной проработки, из-за чего художник казался небрежным.

Дин Ханьбай покачал головой:

— Не может быть. У нас дома тоже есть альбом мастера Цзи, там всё иначе.

Он нашел альбом с цветами и птицами — подарок Цзи Фансюя на день рождения Дин Яньшоу. Там цветы и травы были до того живыми, а птицы столь филигранно выписаны, что повторить это казалось невозможным.

Цзи Шэньюй сразу понял: позже Цзи Фансюй увлекся антиквариатом, и его приоритеты сместились. Что-то приобрел, что-то потерял.

Прошла ночь. Дин Ханьбай сегодня не пошел на работу, с раннего утра поливал цветник из алюминиевого чайника, заливая сирень так, что вокруг образовалось болото. Закончив, он отправился в кабинет ждать, чтобы завершить прорисовку контуров.

Цзи Шэньюй, жуя леденец, появился с опозданием и прильнул к столу:

— Старший брат, у меня вопрос.

Дин Ханьбай протирал камень замшевой тряпочкой:

— Какой?

— Мы же соревнуемся? Но если мы режем одну вещь, мы должны работать синхронно. Как тогда определить, кто лучше?

Дин Ханьбай поднял глаза. Его взгляд был таким же, как в тот раз, когда Цзи Шэньюй вырезал побеги бамбука, а тон не предвещал ничего хорошего:

— Тебе бы просто поспевать за мной. Определить, кто лучше? Кроме Дин Яньшоу, никто не может быть лучше меня, так что не мели чепухи.

Цзи Шэньюй выпрямился. Он уже знал о высокомерии Дин Ханьбая, но не ожидал, что тот до сих пор смотрит на него свысока.

Они принялись за контуры на фужунши. Этот камень был их общим сокровищем, поэтому соперничество отошло на второй план, и они старались работать слаженно. Цзи Шэньюй, уже видевший скорость Дин Ханьбая, понял, что его собственная манера, унаследованная от ленивого стиля Цзи Фансюя, не позволяет ему угнаться за братом.

Он понимал, что Дин Ханьбай намеренно замедляется, но лишь самую малость.

У Цзи Шэньюя вспотели ладони:

— Старший брат, подожди меня.

Дин Ханьбай, не сбавляя темпа, ответил:

— Зачем просить кого-то ждать? Тебя могут отвергнуть, высмеять, посмотреть свысока. Лучше стисни зубы, догони, сравняйся, а потом обгони — вот тогда ты сможешь его пристыдить, прижать к ногтю и подавить.

Цзи Шэньюй, стиснув зубы, ускорил движения, стараясь не отвлекаться, и чудом не отстал. Когда контуры были готовы, он, вытирая пот со лба, спросил:

— А если однажды я пристыжу тебя, прижму к ногтю и подавлю, что ты будешь делать?

Дин Ханьбай ответил:

— Ничего. Значит, сам плохо старался. — Он промыл кисть и, постукивая древком о чашу, стряхнул капли воды. На его лице промелькнула легкая улыбка. — Никогда не ненавижу сильного соперника. Будь ты на вершине или в падении, держись достойно.

Цзи Шэньюй кивнул. С тех пор как он здесь оказался, Дин Ханьбай сказал ему много слов — холодных, теплых, хороших и плохих. С чем-то он соглашался, что-то забывал. Но эти слова он запомнил, вместе с выражением лица и интонацией Дин Ханьбая.

После прорисовки пришло время грубой обработки. В замысле и технике они шли вровень, но теперь начинался самый ответственный этап — резьба. И уже через десять минут возникли разногласия.

Дин Ханьбай украдкой взглянул на него:

— Жемчужинка?

Он обращался к нему с притворной лаской:

— Сейчас идет черновая обработка, ты зачем взялся за малый нож для тонкой работы?

Цзи Шэньюй сжал рукоять ножа:

— Традиционная школа действительно предполагает грубую обработку, но мой учитель делал иначе. Он намечал ключевые точки, фиксировал общую форму и резал от центра к краям.

Дин Ханьбай вспомнил маленькую фигурку из наньхуна. Тогда он высоко оценил ее именно из-за игры света. Но при резьбе нельзя сделать шаг назад, каждый удар должен быть выверен заранее.

— Это определяет яркость? — спросил он. — Ты на самом деле намечаешь точки света?

Кончик ножа замер. Цзи Шэньюй заволновался:

— Ты... ты не можешь...

Дин Ханьбай с интересом спросил:

— Чего не могу?

Цзи Шэньюй впервые проявил твердость:

— Не можешь воровать секреты! Это придумал мой учитель, это не передается чужим!

Эта техника противоречила традициям. Казалось бы, всего пара лишних движений, но без долгих тренировок добиться нужного эффекта невозможно.

Дин Ханьбай поддразнил его:

— Смотри, не дай мастерству заглохнуть в твоих руках.

— Не твое дело, — огрызнулся Цзи Шэньюй. — Передам своим детям, те — внукам, и так бесконечно... Может, еще и патент оформлю.

Дин Ханьбай рассмеялся, но за смехом скрывалось легкое сожаление. Он поторопился с выводами: возможно, Цзи Шэньюй действительно мог с ним потягаться. Отбросив мысли о таланте и технике, он просто наблюдал за глазами соперника.

Цзи Шэньюй был поглощен работой, лицо его было спокойным, живыми оставались только глаза. Эмоции в них были просты: кроме серьезности, в них светилась глубокая, искренняя любовь к делу.

Дин Ханьбай вспомнил: так Цзи Шэньюй не смотрел ни на своего отца, ни на Цзян Цайвэй, ни на него самого — только на этот кусок фужунши. Но он понимал: если бы перед ним был камень куриной крови, агат или хотанский нефрит, взгляд Цзи Шэньюя не изменился бы.

Он говорил правду: как только берешь в руки нож, в глазах и сердце остается только материал.

Он мог это делать, Цзи Шэньюй тоже мог, но между ними была огромная разница.

К полудню черновая обработка была закончена. Цзи Шэньюй ушел в свою комнату, а Дин Ханьбай накрыл камень замшей, посидел немного, размышляя о всякой всячине, а потом вышел навстречу яркому солнцу.

Погода была отличная, почему бы не прогуляться?

Дин Ханьбай надел белые кеды, перемахнул через перила и через пару шагов оказался у арки. Дверь спальни скрипнула, в проеме стоял Цзи Шэньюй:

— Ты в Юй Сяоцзи?

Дин Ханьбай сунул руки в карманы:

— Я гулять. Хочешь со мной — переодевайся.

Цзи Шэньюй насторожился:

— В баню?

У него остались неприятные воспоминания от того похода в сауну. Переодевшись, он вышел с Дин Ханьбаем. Тот посадил его на велосипед, и они покатали по улицам.

— Старший брат, — извинился Цзи Шэньюй. — Прости за тот раз.

Дин Ханьбай не придал значения:

— Ничего, тогда я виноват, что забыл тебя встретить.

На этом разговор закончился, и остаток пути они проехали в тишине. За главными воротами шумела толпа — они прибыли на антикварный рынок Даймао.

Вокруг было столько всего: сокровища, безделушки, подделки — глаза разбегались. Дин Ханьбай, протискиваясь через толпу, увлекся товарами и совсем забыл про Цзи Шэньюя.

Цзи Шэньюй тоже не отставал, разглядывая каждый прилавок. Когда он слишком долго задерживался, его толкали, и, оглядевшись, он видел Дин Ханьбая неподалеку. Он подошел к нему — тот выбирал деревянные четки. Цзи Шэньюй они показались уродливыми, но, оглядевшись, он увидел, что ими торгуют почти везде.

Продавец расхваливал свой товар: сандал, красивый рисунок, золотистые вкрапления... Дин Ханьбай, вертя четки в руках, сказал:

— Десять из десяти подделка. Плотность никакая, через пару лет они рассыплются.

Продавец уверял:

— Невозможно, мои не рассыплются!

— Если не рассыпаются, значит, плотность низкая. У качественной древесины плотность высокая, так что сырье у тебя так себе.

Продавец замаялся, дело шло к ссоре. Цзи Шэньюй спрятался за спину Дин Ханьбая и дернул его за край одежды, не желая неприятностей.

К удивлению Цзи Шэньюя, Дин Ханьбай, придравшись ко всему, послушно выложил деньги и скупил все четки.

Они гуляли долго, а напоследок пили газировку у киоска, разложив покупки на столе. Цзи Шэньюй взял одну нить, понюхал и поморщился:

— Поддельный сандал.

Дин Ханьбай кивнул:

— Точно.

Зачем же ты их купил? — хотел спросить Цзи Шэньюй. Но Дин Ханьбай опередил его:

— Деревянные, ореховые, элитные из двенадцатилепестковой ваджры — что скажешь?

— Уродство. Даже если мне доплатят, не надену.

Дин Ханьбай допил апельсиновую газировку:

— Я тоже так думаю. Но ими торгуют на каждом углу, они популярнее нефритовых. Это и есть рынок, это то, что скоро станет модным.

Рынок антиквариата был отражением реальности: море подделок, невежественные покупатели. Настоящие, качественные вещи не находили своего места. Чтобы выжить, нужно снижать планку, а для Юй Сяоцзи это означало бы крах.

— Что же делать? — спросил Цзи Шэньюй.

Дин Ханьбай ответил:

— Ничего. Так тоже неплохо. Высокое остается высоким, а всякая пошлость — дело наживное.

Они продолжили прогулку, но Цзи Шэньюй уже не был таким воодушевленным. Он чувствовал, что Дин Ханьбай не договорил, или, вернее, что он не всё может ему объяснить. Ему казалось, что Дин Ханьбай хранит в сердце что-то большее, чем просто Юй Сяоци.

Через некоторое время Дин Ханьбай, заметив, что у Цзи Шэньюя пустые руки, решил проявить гостеприимство:

— Присмотрел что-нибудь? Я куплю.

Цзи Шэньюй скромно ответил:

— Я просто смотрю, ничего не нужно.

Дин Ханьбай неверно истолковал его слова:

— Боишься выбрать подделку?

В тот момент Цзи Шэньюй увидел в глазах Дин Ханьбая самодовольство. Тот выглядел как богач, которому всё по плечу. Дин Ханьбай наклонился и прошептал:

— Я отличаю подлинное от фальшивого, осечек не будет.

Он повел Цзи Шэньюя дальше. Тот остановился у прилавка с редкими безделушками и растерялся. Дин Ханьбай велел выбрать что-то одно, и Цзи Шэньюй указал на брошь с эмалью.

Дин Ханьбай нахмурился:

— Ты будешь носить?

— Подарю тете.

Дин Ханьбай забрал брошь и положил обратно:

— Я подарю тебе, ты подаришь тете — хочешь сделать подарок за мой счет? Мне еще и спасибо сказать?

Он отмахнулся от Цзи Шэньюя и сам принялся выбирать. Отсеяв брак и подделки, он уверенно взял подвеску из янтаря.

— Вот эту. — Он бросил подвеску ему, расплатился и пошел прочь.

На обратном пути, когда солнце уже клонилось к закату, Цзи Шэньюй в заднем сиденье рассматривал подвеску, поворачивая ее на свету. В лучах заходящего солнца янтарь переливался, обнажая красоту, создаваемую миллионы лет.

— Спасибо, старший брат, — сказал он.

Дин Ханьбай крутил педали, не ответив привычного «не за что».

— Почему ты выбрал именно ее? — спросил Цзи Шэньюй.

— Цвет красивый, — ответил Дин Ханьбай, умолчав о второй части фразы: «как твои глаза».

Глава 11

Самый просторный магазин Юй Сяоци располагался на проспекте Инчунь — два этажа, склад в глубине и мастерская с лучшим оборудованием. А в соседнем здании находился полицейский участок, окна второго этажа выходили прямо на кабинет участкового — безопасность была обеспечена.

Дин Ханьбай пообедал в ресторане Чжуйфэнлоу напротив, куда его пригласило руководство музея в знак благодарности за резьбу по камню с ханьскими рисунками. Выйдя из отеля, он краем глаза заметил, как Дин Яньшоу заводит Цзи Шэньюя в Юй Сяоци.

Закончив дела, он направился туда. В зале был только помощник, а в мастерской он застал отца, который сам протирал станки.

— Пап, — позвал он, прислонившись к дверному косяку. — Ты же сегодня во второй магазин собирался?

Дин Яньшоу ответил:

— Там твой дядя с Эрхэ, нечего всем в кучу сбиваться.

Дин Ханьбай заметил на столе картонную коробку, обернутую газетами — внутри был тот самый фужунши. Он вспыхнул мгновенно:

— Почему ты опять трогаешь мой камень?! Где эта Жемчужинка? Я же велел ему следить, а он, прихвостень эдакий!

Не успел он договорить, как вбежал Цзи Шэньюй:

— Кто тут кричит?

Увидев Дин Ханьбая, он объяснил:

— Старший брат, учитель велел принести на полировку, больше ничего.

У него в руках была влажная замшевая тряпочка. Он протер фужунши, над которым они работали, и спросил Дин Яньшоу:

— Учитель, мы полируем каждый свою половину?

Дин Яньшоу включил станок:

— Ты полируешь его половину, он — твою.

Полировка — последний этап. Одно неверное движение — и все труды насмарку. Над этим фужунши они корпели два дня, а тонкая резьба вымотала их до предела. После полировки соревнование можно было считать завершённым.

Дин Яньшоу решил, что полировать они должны работы друг друга.

Дин Ханьбай усмехнулся:

— Ты хочешь посмотреть, как мы будем друг другу вредить или как будем сотрудничать?

— Посмотрим на вашу сознательность, — ответил Дин Яньшоу.

Камень нельзя было распилить, поэтому они работали по очереди. Цзи Шэньюй первым взялся за полировку половины Дин Ханьбая, сосредоточившись и забыв об отце с сыном за спиной. Он старался изо всех сил.

Старался он не из страха перед гневом Дин Ханьбая, а потому что полюбил эту вещь и хотел довести ее до совершенства.

Когда пришло время меняться, Цзи Шэньюй занервничал. Он-то полировал честно, а Дин Ханьбай?

Он использовал технику Цзи Фансюя, и если Дин Ханьбай решит навредить, игра света будет безнадежно испорчена.

Цзи Шэньюй стоял рядом, глядя на камень, который они называли «Млечный путь». Станок заработал, и он коснулся плеча Дин Ханьбая. Тот поднял лицо:

— Что-то нужно?

Цзи Шэньюй промямлил:

— ...Только не порежься.

Дин Ханьбай усмехнулся, не ответив. Он уже собирался начать, как почувствовал тяжесть на плече — тот же тонкий палец, без мозолей, но с силой.

Он снова поднял взгляд:

— Тебе приглянулось мое плечо?

Цзи Шэньюй выдавил:

— ...Только не порежься.

Дин Ханьбай чуть не взорвался и оттолкнул его. Дин Яньшоу сзади злорадствовал:

— Он просто тебе не доверяет, боится, что ты испортишь его творение.

— Учитель... — Цзи Шэньюй умоляюще посмотрел на него, а потом на Дин Ханьбая, чей взгляд метал молнии. Связываться с ним было опасно, и он ушел в складское помещение, решив довериться судьбе.

Гости приходили и уходили. Цзи Шэньюй стоял под навесом, ожидая, когда стихнет гул станков. Заглянув внутрь, он увидел Дин Ханьбая, который кисточкой смахивал пыль. Лицо его было мрачным, губы сжаты — никакого триумфального настроения.

Неужели не получилось? — беспокоился он.

Дин Ханьбай долго не вставал, глядя на фужунши, а потом молча ушел мыть руки. Цзи

Шэньюй, как дикий кот, проскользнул в мастерскую и, взглянув на камень, просиял.

— Учитель! — он похвастался перед Дин Яньшоу. — Это Млечный путь! Персонажи, птицы, а те четыре штриха, что вы нанесли, превратились в реку... Старший брат так здорово отполировал!

Он устыдился своих дурных мыслей.

Дин Яньшоу надел очки и оценил:

— Дизайн отличный, техника резьбы тоже. Персонажи тонкие, не в стиле Ханьбая, я сначала подумал, что это твоя работа.

Цзи Шэньюй ответил:

— Старший брат сказал, что камень прозрачный, а для пастуха и ткачихи нужна изящность.

Он оглянулся на дверь — Дин Ханьбай еще не вернулся, но он не мог ждать:

— Учитель, какая половина лучше?

Дин Яньшоу ответил вопросом на вопрос:

— А ты сам как думаешь?

Отвечать было опасно, но Цзи Шэньюй решил быть честным:

— В плане техники старший брат лучше. Он такой уверенный, такой опытный, я был поражен, когда мы работали вместе. — Он понизил голос и прошептал: — Зато моя часть лучше играет со светом, каждый штрих там, где нужно, правда, учитель?

Дин Яньшоу опешил, а потом рассмеялся. У него было четверо учеников, и трое других всегда его боялись и почитали — видимо, из-за его строгости. Дин Ханьбай же был неуправляем, спорил до хрипоты, от чего у него болела голова.

Никто из учеников никогда не подходил так близко, с горящими глазами, как будто они замышляют что-то плохое. Он относился к Цзи Шэньюю как к сыну, и сейчас этот младший сын пытался подлизаться, отчего Дин Яньшоу пришел в восторг.

Он тоже прошептал:

— Правда. Ты овладел всеми секретами Фансюя.

Цзи Шэньюй не стремился победить, он хотел признания Дин Яньшоу, хотел знать, что он ценен.

— Учитель, на самом деле... — его радость улетучилась. — Я хотел приберечь этот секрет для себя, чтобы быть полезным для Юй Сяоцзи.

Дин Яньшоу кивнул, внимательно слушая.

— Но вы так добры ко мне, а старший брат — ваш родной сын. Может, мне научить его?

Дин Ханьбай, вернувшись, всё еще был мрачен, словно полировка обошлась ему в целое

состояние. Цзи Шэньюй почувствовал неладное, схватил фужунши и сбежал в торговый зал.

В мастерской остались только отец и сын. Дин Ханьбай сел и вздохнул:

— Ну, рассказывай, учитель.

<http://bllate.org/book/19144/1880218>